

**Петр
Мамонов**

ЯСНОСТЬ

СТИХОТВОРЕНИЯ

Пётр Николаевич Мамонов

Ясность

Серия «Книги Петра Мамонова»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67934888

П. Мамонов. Ясность: ООО «Издательство АСТ»; Москва; 2022

ISBN 978-5-17-149098-0

Аннотация

Петр Николаевич Мамонов – один из самых ярких деятелей современной российской культуры. Артист, музыкант, режиссер, радиоведущий, он создал прекрасные образы в кино и театре. Снялся более чем в 20 фильмах. Поставил около 15 музыкальных спектаклей, в которых сыграл главные роли. Почти триста авторских передач «Золотая полка» вышли в эфир на радиостанции «Эхо Москвы». Издано более 20 музыкальных дисков рок-группы «Звуки Му». Но самым важным в его жизни были стихи. «Я не столько музыкант, сколько поэт по своему устройению, как я себя чувствую. Я и стихи давно пишу, и вообще у меня такой поэтический подход к действительности», – говорит он о себе.

Эта книга продолжает серию стихотворений Петра Мамонова. Внутри – оригинальные стихи, напечатанные на машинке «Ундервуд», с пометками, оставленными рукой самого автора. В этот сборник вошли ранее не изданные стихотворения Мамонова.

В них отражены размышления о сути жизни и сущности, которые найдут отклик в сердце каждого.

Орфография и пунктуация автора сохранена.

Содержание

Ясность

6

Конец ознакомительного фрагмента.

27

Петр Мамонов

Ясность

© Петр Мамонов, текст, 2022

© ООО «Издательство АСТ», 2022

*** * ***

Ясность

Тайна
Сила жизни

Крокодил неподвижный в болоте,
мутный глаз шевелится, следит.
Кот, застывший в урчащей дремоте,
только делает вид, что он спит.

Крошка
А, вот, бабочка просто, наивно
мне уселась на палец, сидит
и внутри у меня непрерывно
незаметное сердце стучит.

Тайна жизни

Крокодил неподвижный в болоте,
мутный глаз шевелится, следит.
Кот, застывший в урчащей дремоте,
только делает вид, что он спит.

Крошка бабочка просто, наивно
мне уселась на палец, сидит
и внутри у меня непрерывно
незаметное сердце стучит.

Лентяй

Напиток в чашке на столе,
не съеденный обед,
не выключенный по его вине,
всегда горящий свет.

Полустанок

Станция стоит прямо.
Стрелочник не спит.
Наверху черная яма.
Под ногами гравий, песок, гранит.

Электроток

Строчат засохших листьев нитки строчат

узор прекрасный и живой.
Избыток дней свои попытки
спешит закончить. Золотой
убор деревьев и кустарник,
серебряный от рос седых,
он мне помощник и напарник
свершением чудес простых.

Общая осень

В поле кошенном трава,
серые былинки,
оторвется голова,
полетит простынка,
сна душистого покой
от земли и в землю.
Свет струится сам собой,
свету небо внемлет.
По краям лугов – леса, лесá
будто их и нету,
и косая полоса
не перечит свету.
И не спорят ветер, пыль
с этой дрожью малой.
Телеграфный столб-костыль
смотрит, одичалый.

Колодец

Молниеносные приметы
качающегося дня.

Края колодца стёрты, спеты.

Совсем не движется вода.

Без ума

Русыми волосами распущенными,
выгоревшими садами запущенными,
пожелтевшей газетой на стенке,
смородинного варенья пенкой,
детской неожиданностью,
вот этого уголка никогда не виданностью,
старого дерева дуплом,
сухих еловых иголок прошлогодним ковром —
всем заново возродившимся старьём
осень обнимает, тормошит и укутывает.

Воскресенье

Ослепило солнце.

Цапнуло бедро.

Колоколовонца

катится ведро.

Воскресенья верхи, вёрхи

пропасти суббот.

Закрывает дверки

на ночь наш народ.
Утром – нараспашку!
вечером – в запой,
в клочья рвет рубашку,
малиновый, не злой.

Первый день

Снега нет еще, но лёд
тоненькою коркой
утром руку колет, жжет
и хрустящей горкой
кустик зелени забытой,
стебельки петрушки.
И дрожат совсем открыто
в поле трав верхушки.

Чужая боль

Топтанье по снегу, круги, по снегу
рубиновая зорька.
Одеты в лед, стоят враги
не вредные нисколько.
Друзья вдали, глаза закрыв,
уткнули нос в подушку.
И сумерки, дверь приоткрыв,
повесили игрушку
на елку темную в углу —

проснутся, будут рады.
Смотрю на них сквозь снега мглу,
сквозь белый иней сада.

Машинистка

Вторые экземпляры
у девушки Тамары
хранятся в папке чистой,
работается быстро,
стучит, строчит машинка,
листа по серединке
вкралась ошибка злая,
её не замечая,
влюбленная Тамара второго экземпляра
еще одну страницу
кладет к другим. Ресница
упала на машинку,
лежит.

Самотёчная площадь

И днем, покинув тыл,
мы шли по Самотёке.
От наших брюк широких
взметалась вихрем пыль.
И пропадали мы
среди домов высоких.

И тишина дворов
наш охлаждала пыл.

Кто порознь, кто вместе
сидели на скамейках.

И сумерки опять
дня замыкали круг.

И душная жара,
и ливень, как из лейки.

И, как всегда, со мной
оставшийся мой друг.

Боро

А у меня там, неизвестно что,
а у меня там, неизвестный день.

На вешалке повисшее пальто,
забора испугавшаяся тень.

Рябины дрожь – беда среди зимы.

Страницы книжной шелест, будто гром.

И ощущение огромное страны.

И ночь потом.

Ледяной праздник

В белом поле ни былинки,

всё покрыто снегом, что росло.

На тропинках зимних ни пылинки,

вязкой грязи хлюпанье прошло.
Разноцветность неба, крики взрослых —
всё пропало, ненадежный дым.
Только синие столбы морозов рослых
оказывают нас сиянием своим.

Ночной поезд

Вдоль искристых синих звезд
едет гулкий поезд,
мчит под звук своих колес,
техники достоинств
полон. Гордо обречен
на погибель злую.
Я люблю его вагон,
жизнь его простую.
На столе стакан люблю,
весь дрожащий мелко,
ветра мощную струю,
сцепок лязг на стрелке.

Золотой дождь

Буфета мраморная пустота прохладная,
в то время, как на улице громадная
очередница-хвост у каждого киоска.
Во рту младенца позабыта соска,
за пивом папа встал. Течет
волнуется и топчется народ
на месте, перекидываясь словом.
И пивом торговать хотя не ново,
у каждого киоска золотого
одна и та же чудная картина:
две женщины, а дальше всё мужчины,
случайная старушка, украинец,
грузина два стоят - сплошной зверинец
разнообразных жестов и голов,
и разница прекрасная полов
стирается. Стоит очередница.

Вдруг ветер полетел порывом брызжет

Золотой дождь

Буфета мраморная пустота прозрачная,
в то время, как на улице громадная
очередища-хвост у каждого киоска.
Во рту младенца позабыта соска,
за пивом папа встал. Течет
волнуется и топчется народ
на месте, перекидываясь словом.
И пивом торговать хотя не ново,
у каждого киоска золотого
одна и та же чудная картина:
две женщины, а дальше всё мужчины,
случайная старушка, украинец,
грузина два стоят – сплошной зверинец
разнообразных жестов и голов,
и разница прекрасная полов
стирается. Стоит очередища.
Вдруг, ветер налетел порывом. Свищет,
сбивает пыль с поблекших тополей
и улетает, попугав людей,
которые не знают, что в буфете,
будто в прохладной мраморной ракете,
без очереди пиво продают,
чуть-чуть дороже, но зато – уют
и столики, и сцена, днем пустая,

и арфа возле стенки золотая.

Вода

Травы поникшей дикий вид, травы
нелепость мошки, мошки
конструкция стараний паука
нас снова поразят. И не нарочно
качнется всё и двинется слегка.

Казахстан

Дорога железная.
Жизнь бесполезная.
Станция, грязь, ресторан.

Возгласы сиплые.
Окрики хриплые.
И семафор. И туман.

Темень кромешная.
Сборы поспешные.
Деньги. Дрожащий стакан.

Домики круглые.
Женщины смуглые.
Караганда. Казахстан.

Граница тени

Пойдем, закроем печку! —

Причудливость забот,
окоченелость речки,
в норе сидящий крот,
мороза красотища,
короткий ясный день.
Топор и топорище.
И от забора тень.

Художник

Он был юродивый и странный,
тот, в электричке пассажир,
посреди жизни постоянной,
как смоковница, как инжир, смоковница
произраставший между листьев,
между хрустящих лепестков,
которые узорной кистью
на стеклах зимних вместо слов,
вместо событий и открытий
вдавил мороз. Он был один,
ловец единственных наитий,
не знавший мер и средин.

Хрустальное

Сколько раз говорим мы «хрустальное».
И хрустальный узор и листва.
В этом слове, как в глади зеркальной,
отразился весь смысл волшебства:
мягко хрустнуть и быстро исчезнуть,
чтобы нам не привыкнуть к нему...

Собираюсь я хлеба нарезать
и спиной повернулся к стеклу.

Шоферня

Снег, вынуждены поменять резину
водители пораньше, в октябре.
Но, всё же, изначальную причину
не понимают шофера вполне. шофера́

Так сильно заняты они, следят дорогу,
глаз не спускают с запотевшего стекла;
а вечером поделятся тревогой
друг с другом в кубике гаражного тепла.

И вместе посмеются над заносом,
обсудят новую погоду не спеша.
А летние и мокрые колеса
их будут слушать в уголочке, чуть дыша.

Волшебный порошок

Засветила нам в лицо
золотая осень.

Не выходим на крыльцо
и траву не косим.

Друг на друга не ворчим,
смотрим телевизор.

Громко больше не кричим.

На весах провизор
нам отвесил порошок,
успокоить нервы.

Стал я выше на вершок,
в очереди – первый.

Свет

Чудо рифмы Пастернака,
пробежавшая собака
(глаз косящий, налитой).

Ровный серый свет простой.

Опал

Всё стихло к вечеру. Я в сад окно открыл.

Был воздух неподвижен, строг.

И я увидел, как, клубясь, поплыл
туман, петляя дымкой между строк.

И вросший в землю дерева обвал
застыл в молитве, ветви вверх подняв;
и камень розовый, мерцающий опал,
среди сетей качался и облав.

Погасло всё. Пришлось закрыть окно,
всё втискивала внутрь сырая ночь.
Закрывшись плотно, помогло оно
прогнать напрасные мечтанья прочь.

* * *

Лунный свет течет на снег,
нет ни звука. За рекой
звон какой-то, будто смех,
будто скрежет ледяной.

Нет, почудилось, опять
пустота и тишина.
Всё равно нам не понять
то, о чем поёт луна.

Обувь

Меняю боты на сапоги,
друзьями станут мои враги.

Концы-начала

Стихосложенья чудные заботы,
зевота зим,
открытый рот весны.
И лета синего стоящие высоты,
и печки-осени занозистые сны.

Волк

На каких ступеньках
сядем-посидим?
А над деревенькой
вьется белый дым.

Белая суббота,
воскресенья шёлк.
Будто плачет кто-то,
воет серый волк.

Вовка

Напротив пассажир лиловый
в тоске не новой и хреновой
в пластмассовый стаканчик наливает водку.
Мне предлагает. Я беру селедку,
на хлеб её укладываю, лук
зеленый добавляю, рук
его дрожанье, с болью замечаю,

беру стаканчик, водку выпиваю.
Губам прикосновение пластмассы
противно очень, как тогда у кассы
мы тоже с другом водку выпивали...

Всё вспомнилось, я посмотрел в его лицо
и вдруг узнал – глаза! Да это ж Вовка.
И тут же стало совестно, неловко,
что я его в враги определил.
Он понял всё. Себе еще налил.

Смерть в городе

Снованье юркое машин
и скрежет, и пологость шин.
И памяти таинственные знаки...

Восставшей жизни узкая полоска
в фонарном свете вдруг блеснула плоско
и вытянулась, замерев,
изгибом стену подперев.

Мечта

Нарушив тишину, сварить лапшу на завтрак.
Заштопать варежку и в зиму дверь открыть.
Не полной грудью, нет, но все-таки вот так вот
вдохнуть морозный дух, продолжить дальше жить.

Дела, заботы, меркнет день короткий,
завеса зримая снегов и тишина.
Деревья скрипом отвечают кротко
на столбик ртути, вниз ползущий к точке дна.

Хлеб

И будет вытерт стол,
и даль – чиста.
Пирог слоён
и кот к зиме упитан.
Неряшливым и разноцветным бытом
сосчитан день, от десяти до ста.

Львиный зев

И халабудой зимнего левкоя
громада печки зев свой огненный откроет,
и буду дом я медленно топить,
где предстоит мне умирать и спать, и жить.

Желтый

Суровая зима. Закат багровый.
Мороз. И полторы синицы на кусте.
Как птицы далеки от этой жизни новой!
Как лес далек от рыканья моторов,
от хлопанья дверей, от радиопомех!

Но точка-самолет, по небу пролетая,
сам это не сознав, прочертит светлый след.
И голову задрав, лопату отставляя,
засмотрится наверх в шубейке желтой дед.

Кинотеатр

В углу нелепые, горбатые калоши,
какие-то плащи, на вешалке рваньё,
смешной платок в горошек красно-белый.
Фойе, ступеньки, узкий вход в кино.
Фронтон и греческих фигур пятно,
замазанное памятью, как мелом.

Камень

Кот облезлый вдруг пушистым стал,
рухнул осени протяжной пьедестал.
На обломках этих каменных, внутри,
еле различимы точки три.
Три неясных, неподвижных знака
высечены кем-то. И собака,
голову скосив в недоуменьи,
ожидает моего стихотворенья.

Снегирь

Кто-то в теннис играет в Австралии знойной,

где в тени тридцать шесть, а на солнце – кошмар!
Кто-то пушек нутро силой злой, бронебойной
начиняет в цехах. Кто-то гасит пожар.

Кто-то ночи не спит, заболели родные.
Кто-то лопасть винта раскрутил и летит.
А в том месте, где снег и где ели густые,
на поляне на куст он уселся, сидит.

Московское утро

Автобусы и старые трамваи
похожи были очень на людей,
когда потягиваясь и зевая
Москва вставала. Вместе с ней

вставало солнце. Луч рассвета
казался ярче и сильнее
идушим рядом. Общность эта
была и есть всего ценней.

Зимнее солнце

Солнца зимнего жизнь коротка,
не успеет взойти, как садится.
Жизнь зверей одиноких зимой не легка,
где-то надо уютиться, кормиться.

Человек в деревнях утром рано встает,
топит, катит упрямую тачку.
Слабый день, чуть начавшись, вот-вот упадет,
нету времени тут на раскачку.

Все растенья под снегом. Мертвый лес у реки.
Сучья тянут корявые руки.
Спать пора. Вдалеке огоньки,
лай собак. И неясные звуки.

Первый вариант

И наскоро спечённые стихи
покроет снег, который упадет
на каждую соринку и листок,
на камушек горбатый, на кирпич.
И превратится в ледяной кусок
всех этих чувств бессмысленная дичь.

Дух

Реки извилины протащут корпус лодки
по каменистым плёсам и пескам.
Теченьем вынесет её на отмель
и неуютно станет парусам
от этих вод, внезапно неподвижных,

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.